

Десять лет из жизни Нади Шевелёвой

Её звали так же, как всем известную и горячо любимую героиню популярного фильма. Только нашу Надю родители, видать, не сильно любили, потому как, давая такое имя, они совсем не подумали о том, что ждёт их дочь в будущем.

- Здравствуйте, я Надежда Шевелёва, - представляется где-то повзрослевшая Наденька.

- Что вы говорите! Надя Шевелёва? Из Ленинграда? Третья улица строителей? – вопрошает удивлённый собеседник.

Надя только мило улыбается.

- А вы не родственницей часом приходите? – увлечшись занятной темой, пытается пошутить собеседник.

- Кому, простите, родственницей? – не выдерживает Надя.

- Ах, да, - спохватывается тот и стучит себя по лбу. – Конечно-конечно. Это же кино.

«Это там было кино, - в который раз думает раздражённо Надя, - а у меня тут жизнь».

Вряд ли её родители, воркуя над своим первенцем, могли предположить, сколько таких неприятных моментов будет в жизни их дочери.

Впрочем, может, они предполагали иной сценарий и надеялись, что благодаря своей знаменитой тётке их дочка будет привлекать к себе больше внимания, интереса разного, а значит, наверняка сможет и партию себе приличную составить, да и вообще неплохо в жизни устроиться. Потому как ведь это важно очень – устроиться хорошо в жизни. Можно сказать, это самое первейшее дело, и для достижения такой непростой цели, говорят, все средства хороши.

В общем, не будем думать да гадать, что и как там было на самом деле. Определённо желали он дочке добра, потому что родители по-другому не могут, а значит, упрекнуть мы их ни в чём таком права не имеем. Разве только в том, что позабыли они на тот момент одно простое правило: «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт». А, может, и не знали его вовсе, да только незнание никого, как известно, от последствий не освобождает.

Поэтому поплыла наша лодка по имени Надя Шевелёва именно так, как и было предначертано ей судьбой. Нет, она не стала учителем русского языка, рассудив справедливо, что времена наступили не те, и ей не стоит идти в школу, дабы сеять там за гроши разумное с вечным. Киношной Наде или её прототипу, ежели вдруг таковой имелся, хоть квартира бесплатная светила где-то там на Третьей улице строителей, а нашей Наде, как, впрочем, и другим её согражданам набирающая обороты рыночная экономика гарантировала в этом деле совершеннейшую беспросветность. Рынок, он и в Африке рынок.

Наша Надя решила учиться на политолога - это дело должно было стать серьёзным подспорьем в жизни. Именно так рассудил её папа, которого так сильно увлекла развернувшаяся политическая активность в стране, что он, кажется, позабыл обо всём на свете. Всё свободное время он что-то читал, слушал, смотрел, анализировал и комментировал. Куда-то даже ходил в попытке примкнуть к каким-то важным общественным движениям. Такой его энтузиазм незаметно вовлёл всех домочадцев в этот круговорот, поэтому после окончания школы ставшая перед профессиональным выбором Надя никакого выбора, по сути, не имела. Но она не роптала и со всеми доводами папы согласилась.

Опять же сфера такая, что мужчин вокруг много – объяснил ей папа. Это тебе не школа, где всего добра-то - трудовик-алкаш, да физрук, женатый третьим браком. В общем, проблема замужа, которая веками остро стоит в семьях с подрастающими девицами, тоже при таком раскладе должна была благополучно решиться. Тем более что наша Надя в отличие от киногероини не была такой яркой красавицей – по правде говоря, её и красавицей-то вряд ли можно было назвать. Так, обыкновенная. На любителя.

И любитель такой не замедлил представиться. Встретила она его на третьем курсе и сразу же, как у классика, узнала, обомлела и запылала. Вот только не сразу поняла, что ещё и попала: потому как любитель этот оказался женат. Приплыла-таки лодка к знакомому берегу.

Надо сказать, бросилась наша Надя на женатого не от отчаяния какого женского: лет ей было ещё не так много, чтоб в отчаяние это впасть. Более того, у неё и воздыхатель имелся. Ходил он за ней ещё со школы. Носил её портфель. Был тихий, немногословный. Невыразительный, неактивный и вдобавок, к большому возмущению Надиного папы, совершенно безразличный к происходящим в обществе переменам: не желал он, понимаете ли, интересоваться текущим политическим моментом, участвовать в

разных дискуссиях, обсуждениях и разговорах о светлом будущем, которое вот-вот должно было нагреться.

Однажды в один из своих редких визитов в дом возлюбленной он оказался припёрт к стенке неугомонным Надиным родителем, который решил, видимо, любой ценой дознаться хоть что-нибудь про идеологическую платформу дочкиного ухажёра. И про планы на будущее тоже. Как он, дескать, в свете происходящего собирается всё-таки жить.

- Так и собираюсь – не моргнув глазом, ответил тот. – Выучусь на архитектора и буду работать.

- А если не найдёшь работу?

- Если стану хорошим архитектором, то найду.

- Ты уверен? Посмотри, что делается сейчас. Сколько людей без работы осталось, - грозно напомнил Надин папа, которого не так давно уволили с завода, признанного вдруг нерентабельным.

Будущий архитектор молчал.

«Сдулся, герой, - мысленно позлорадствовал потенциальный тесть. – Так и жизнь с тебя одним махом сдует всю твою безынициативность».

Но ухажёр не сдавался. После небольшого тайм-аута он выдал:

- Меня это не касается.

- Как это не касается?! – возмущение хлынуло не волной, а настоящим потоком, выталкивая весь имеющийся в комнате кислород.

Стало тяжело дышать. Надя испугалась и во все глаза уставилась на своего кавалера. Но тот, не переводя дыхания, повторил:

- Мне это неинтересно. Я считаю, что человек должен заниматься своим делом, а не смотреть по сторонам.

Нетрудно догадаться, что было дальше. Надин папа разошёлся большой гневной речью, что из-за таких вот, которым «неинтересно», мы теряем страну, теряем не только светлое будущее, но и веру в него. Из-за таких, которые закрывали глаза на происходящее, – чуть не со слезами на глазах продолжал оратор – сколько случилось разных бед и трагедий в нашу недавнюю социалистическую бытность. Один только 37-ой год чего стоит...

- Думаю, 37-ой год потому и случился, что многим было как раз очень интересно, чем другие занимаются. Они во все глаза глядели, что соседи делают, куда начальство ходит, и кому сколько платят.

Это было последнее, что успел сообщить аполитично рассуждающий юноша: закончив свою реплику, он был с позором изгнан из Надиного дома, в котором усилиями его главы велась серьёзная борьба против любых попыток оправдать тоталитаризм и навязать прогрессивно мыслящему люду лапотное рабское сознание.

Папа ещё долго бушевал, стараясь своими грозными возгласами выкурить из дома остатки витавших в воздухе провокационных речей.

- Чтоб духу его здесь не было! – повторил он несколько раз, как заклинание. И как предупреждение тоже.

Потом, правда, поостыв немного, заявил дочери, что если у неё к этому негодяю имеются большие чувства, то он как любящий родитель и тем более демократ чинить препятствий не будет. Если Надя действительно хочет связать с этим нечистивцем свою судьбу, то это её право. Но лучше бы ей всё-таки хорошенько подумать.

Надя, вняв отцовскому совету, принялась думать. Но ни до чего такого додуматься не успела: в её учебном расписании появился новый предмет «Теория и практика политической конкуренции», который увлёк не столько своими премудростями, сколько личностью того, кто в этих премудростях разбирался и нёс их в юные жаждущие познания умы. Настоящим профессионалом оказался этот человек. Только такой мог без шума и пыли уделать безыдейного прыщавого юнца, который был моментально отвегнут и позабыт.

Надя влюбилась. Никто за всю её девятнадцатилетнюю жизнь не вызывал в ней такого мощного чувства - оно пьянило, кружило голову и порождало самые невероятные фантазии. Оно было таким сильным, что сопротивление оказывалось совершенно бесполезным, хотя попытки это сделать Надей предпринимались регулярно: ведь объект её любви был, как ни крути, преподавателем, значительно превосходившим её в годах и к тому же носившим на безымянном пальце обручальное кольцо.

Осознав со временем, что преодолеть свою пагубную, как сказал бы папа, страсть ей не удастся, Надя перестала бороться и решила просто с этим жить. Она прекрасно понимала, что никакого будущего у неё не может быть с Игорем Николаевичем – именно так, по имени-отчеству, величала она его не только на занятиях, но и в своих трепетных фантазиях. Её мечты – робкие, несмелые – заходили обычно не дальше взглядов,

случайных прикосновений рук и прочих милых моментов, возможных в общении преподавателя и студентки. Чтоб дать своим мечтаниям хоть какую-то почву, Надя стала проявлять максимум внимания к изучаемому предмету и очень быстро выбилась в отличницы, чем удивила не только одногруппников, но и самого Игоря Николаевича, который поначалу не заметил в ней никакого потенциала. Теперь же он выделял эту студентку среди прочих и только ей одной позволил писать у него дипломную работу.

Сделав такое предложение, Игорь Николаевич не имел ни малейшего представления об истинных причинах Надиного научного рвения и совершенно искренне рассчитывал на плодотворную работу в части постижения всех секретов политической борьбы, про которую, как он справедливо полагал, можно было накрапать не одну диссертацию.

Уже на пятом курсе, когда работа была в полном разгаре, он пригласил Надю на консультацию к себе домой. Ничего такого в мыслях у него не было: просто возвращаться с одного архиважного семинара в университет было не с руки, да и таскаться с Надиным сочинением, в которое срочно требовалось внести поправки до предзащиты, тоже не хотелось. Как раз жена с дочкой уехали на дачу – в общем, никому никаких неудобств.

Перспектива оказаться в квартире Игоря Николаевича повергла Надю в сильное волнение: она испугалась встречи с его женой, которая могла распознать тщательно скрываемое Надино чувство и чего-нибудь такого наговорить влюблённой студентке. Но жены, как мы уже знаем, дома не оказалось, и этот факт ещё больше встревожил Надю, которая от чрезмерного беспокойства никак не могла сосредоточиться на том, что говорил ей Игорь Николаевич. Она путалась, отвечала что-то невпопад, многократно переспрашивала и от всего этого ещё больше расстраивалась, совершенно теряя над собой контроль.

Не выдержав, Игорь Николаевич бросил что-то такое резковатое в адрес бестолковой студентки, и та, к его немалому удивлению, разошлась вдруг безудержным плачем. Когда же обеспокоенный преподаватель попытался узнать, что же такого страшного приключилось в её жизни, рыдающая Надя, будучи не в силах сдерживаться, выложила вперемежку со слезами и всхлипываниями всю правду про свои сердечные муки.

Игорь Николаевич опешил. Ему случалось, конечно, замечать к себе интерес со стороны студенток, ловить их томные взгляды, но почему-то именно от Нади он такого никак не ожидал. Ситуация возникла, прямо скажем, анекдотическая, и, наверное,

именно так, легко и со смехом, она могла бы разрешиться, если бы не масштаб Надиных страданий и возникший в Игоре Николаевиче страх, что эти страдания, в коих он никак не повинен, могут породить проблемы в его профессиональной и личной жизни. Совершить такой ратный научный подвиг ради любви не к науке, а к нему, её скромному подвижнику, - на такое способна не каждая женщина. И одному Богу известно, что ещё она может совершить в пылу своей горячечной страсти.

Пока студентка Шевелёва успокаивалась, Игорь Николаевич взял себя в руки и подготовил суровую проникновенную речь про то, что никакой, даже самый невинный лирический сценарий в их жизни абсолютно невозможен: ведь он окольцован женой, обременён подрастающей дочкой и крепко-накрепко повязан наукой. Наде никак не пробиться через эти все преграды, да и незачем: она ведь умница-красавица, а значит, без труда найдёт себе мужчину, который с радостью примет огонь её пылкого сердца и сможет ответить ей тем же.

Говоря это всё, Игорь Николаевич почувствовал невероятную гордость от того, что не воспользовался ситуацией, что не стал эксплуатировать юное невинное чувство, а напротив – проявил такое благородство и великодушие.

- Всё будет хорошо, - убеждал он Надю, - вы допишете диплом, закончите университет и очень скоро позабудете обо мне.

Ответ студентки удивил преподавателя. Вытирая платком не успевшее просохнуть лицо, Надя заверила, что ни словом, ни намёком она не напомнит ему больше о себе и своих чувствах, что никак потревожит его и даже в мыслях не позволит себе вторгнуться в его мир и что-то там нарушить.

- Никто никогда об этом не узнает, - закончила она твёрдым голосом и поклялась для убедительности родными, святыми и вообще всем живым на земле.

Работу над ошибками в дипломе решено было перенести на следующий день. В безопасных стенах вуза консультация прошла, как по маслу, доведя многострадальную работу практически до совершенства. Разумеется, и предзащиту, и защиту диплом прошёл на ура. В адрес студентки прозвучало немало положительных слов, что, конечно же, не могло не радовать её научного руководителя, который, наблюдая за Надей, почувствовал вдруг щемящую невыразимую тоску от того, что рядом с ним была женщина, которая любила его так, как никто никогда не любил и, наверное, уже не полюбит. И сейчас она навсегда уходит из его жизни, оставляя в памяти моменты,

которые не казались больше такими пугающими, а напротив, согревали душу, тешили эго и приятно волновали.

На выпускном вечере неожиданно для самого себя он пригласил Надю на танец. Во время этих неуклюжих топтаний, как бы между прочим, поинтересовался у своей партнёрши её карьерными планами. Немного смутившись, Надя ответила, что никаких таких планов у неё нет, что она пока даже не представляет, где будет искать работу и найдёт ли её вообще.

Внезапная идея осенила светлую научную голову, в которой возник образ хорошего знакомого, окопавшегося в одном довольно-таки хлебном местечке. Это был существующий на заграничные деньги проект, то ли благотворительный, то ли бизнесоворотительный – деталей Игорь Николаевич не помнил, но он почему-то был уверен, что выпускницу солидного вуза с дипломом политолога туда непременно должны были взять.

- А как у вас с английским? – прокручивая в голове свою идею, поинтересовался он у Нади.

- Хорошо. У нас же полный был курс, - напомнила она о солидной университетской программе по этому предмету. – А потом я ещё дополнительно занималась, в разговорный клуб ходила...

Удовлетворившись этой информацией, Игорь Николаевич сообщил Наде, что может посодействовать её трудоустройству. Ничего не обещая и не посвящая её в детали, он только поинтересовался, как можно будет с ней связаться, когда у него будут хорошие новости. Надя дала номер телефона.

Через неделю не без волнения он набрал этот номер и сообщил Наде, что у неё есть работа. Причём, не какая-нибудь работа, а приличная, с зарплатой в валюте и хорошими перспективами.

Надя несказанно обрадовалась и тут же поспешила поделиться радостью с родителями.

- А с чего это твой преподаватель такими благодеяниями занимается? – поинтересовался подозрительный папа.

Надя растерялась. Возникло чувство, что её, как воришку, поймали на горячем.

- Она же диплом у него писала, - пришла на выручку мама. – Её хвалили все. Умная у нас дочка. Почему бы и не помочь.

- Ну, если так... - согласился папа и неуверенно покосился на Надю.

Та покраснела и вышла из комнаты.

Через два дня в назначенное время они встретились: Надя, Игорь Николаевич и его знакомый, который и должен был воплотить в жизнь план проявившего участие в судьбе своей студентки преподавателя. Решено было, что знакомый сначала посмотрит на Надю, поговорит с ней, а потом уже поведёт к своему начальству.

На этом неформальном собеседовании Надя проявила себя как нельзя лучше: бойко отвечала на все вопросы, дала неплохой анализ имеющихся на данном этапе политических сил, определила текущих и перспективных лидеров и под конец на уверенном английском доложила о мировых политических и экономических тенденциях.

Знакомый только ахнул. Игорь Николаевич просиял. Знакомый сообщил, что предоставит своему руководству самые лучшие рекомендации, и заверил, что без всяких сомнений на имеющуюся у них вакансию возьмут именно Надю.

После чего он назначил время, написал адрес своей конторы и поспешил откланяться. Надя осталась с Игорем Николаевичем. Он предложил ей пройтись по парку, потом они сидели в кафе за чашкой чая. Говорили о разном: вспоминали Надину защиту, обсуждали какие-то университетские сплетни, а потом, конечно, перешли на политику. Ту несостоявшуюся консультацию в доме Игоря Николаевича со всеми её драматическими моментами старательно в своих беседах обходили. Она - потому что дала слово, а он... Конечно, он убеждал себя, что делает это из деликатности, не желая задеть Надины чувства и случайно не обидеть её. Но с другой стороны ему очень хотелось, чтобы она сама пусть даже как-то нечаянно заговорила о своих чувствах к нему, которые почему-то сильно волновали его и всё крепче привязывали к своей уже вчерашней студентке.

- А ты герой, - заметил ему знакомый, когда они созвонились через пару дней.

- Не понял, - растерялся Игорь Николаевич.

- Да что ж тут непонятного? Давно у тебя с ней?

- Между нами ничего нет... Она студентка моя бывшая. Диплом писала...

- Да ладно тебе... Ты хочешь сказать, что просто так стараешься? Типа ничего тебе от неё не надо? – в трубке послышалось хихиканье.

- Да, - отозвался обиженный педагог. – Мне ничего от неё не надо.

- Бабушке это своей расскажи. Мы никогда не делаем то, что нам не надо, - безапелляционно резюмировал знакомый и попрощался.

Игорь Николаевич расстроился. Ему казалось, что Надино чувство и его трепетное к нему отношение сотворили какую-то удивительную неповторимую субстанцию,

представляемую им в виде древней амфоры, в которой запечатано таинственное содержимое. Сейчас прямо на его глазах эта амфора упала и разлетелась на куски, как обычный фарфоровый ширпотреб, внутри которого ничего такого не было, да и быть не могло.

- Что-то случилось? – поинтересовалась жена, заметив перемену в лице супруга.

- Да нет, всё в порядке. Устал немного, - не очень уверенно потянул он.

- А кто звонил?

- Это Вадик был, по поводу статьи. Я обещал им написать, - честно отрапортовал не привыкший к вранью и не совершивший пока ничего такого криминального супруг.

Надю на работу взяли. Игорь Николаевич был искренне рад. В нём долго ещё отзвучивали брошенные Вадиком слова, которые упорно не хотелось принимать. Но усилием воли Игорь Николаевич смог урезонить этот надоедливый гомон, поклявшись себе, что он действительно ничего не хочет от Нади, ничего не ждёт и самое главное – ничего такого не допустит. Тем более что он вряд ли с ней ещё увидится: повода-то нет.

Где-то через месяц с небольшим Надя неожиданно объявилась сама, позвонив ему на кафедру.

- Нам надо встретиться, - негромко, но настойчиво сказала она. Почти как шпион.

- Что-то случилось? – забеспокоился он.

- Мне надо поговорить с вами. Точнее рассказать кое-что.

Они договорились о встрече.

- Как у вас дела? Как работа? – начал немного взволнованный Игорь Николаевич, как только они устроились за столиком в летнем кафе.

- Всё хорошо, - ответила Надя, потупив взор.

- Вам нравится? – маскируя своё любопытство, он продолжал сыпать вопросами, на которые Надя неохотно отвечала. Но выкладывать свою важную информацию, ставшую причиной этой встречи, она тоже почему-то не спешила.

Он ждал.

- Игорь Николаевич, - начала робко Надя. – Я боюсь, что у вас могут быть проблемы из-за меня.

- Какие проблемы? – напрягся он.

Надя опять замялась.

- Вадим Алексеевич думает, что... что у нас с вами роман, - выдохнула она наконец.

Игорь Николаевич закрыл глаза. Он был уверен, что услышит сейчас какое-то робкое признание или хотя бы намёк на него. Он страстно желал вернуться к тому разговору, который она когда-то начала, а потом, испугавшись, клятвенно заверила, что никогда больше не напомнит о своих чувствах. Ему хотелось, очень хотелось, чтоб она снова заговорила о них.

Надя, конечно, не догадывалась о том, что происходит в душе её глубокоуважаемого преподавателя, и когда он закрыл глаза, ей стало ясно – это катастрофа.

- Вы понимаете, - начала она суетливо оправдываться, - когда Вадим Алексеевич спросил, я ему честно сказала, что между нами ничего нет. И не было никогда. Побожилась даже. А он посмеялся только и сказал, что вру я очень неубедительно. Пошутил ещё, что дело пахнет профнепригодностью – дескать, с моим дипломом надо врать получше.

Игорь Николаевич молчал и смотрел на Надю.

- Я ничего никому не говорила, - затараторила она. – Клянусь вам. Никто - ни мои родители, ни подруги – никто ничего не знает. И не догадывается даже.

Молчание.

- Я не знаю, с чего Вадим Алексеевич взял, что... что мы... - Надя полезла в сумку за платком.

Игорь Николаевич продолжал смотреть на неё и безмолвствовать.

- Что я могу сделать, чтоб не допустить больше никаких разговоров? – с мольбой во взоре обратилась она к нему. – Может, мне лучше уйти с этой работы?

- Ничего не надо делать. И уходить никуда не надо. Не волнуйся, - размеренно проговорил он, перейдя неожиданно на ты. – Не вини себя. Я знаю, что ты никому ничего не говорила. Да и что ты могла рассказать?

Надя облегчённо вздохнула.

- Но у вас ведь могут быть проблемы? – опять спохватилась она.

Игорь Николаевич задумался.

- Проблемы у меня будут, если у нас действительно начнётся роман, - проговорив это, он посмотрел на неё в упор.

На Надином лице было заметно некоторое смятение.

Через минуту она справилась с ним и выдохнула:

- Тогда нам не о чем беспокоиться. Вы простите меня, пожалуйста, что я позвонила вам. Я подумала, что вы должны знать об этом. Вдруг ещё кто-то думает так, как Вадим Алексеевич. Я испугалась, что это может дойти до вашей жены. И у вас будут проблемы.

- Не волнуйся. Никаких проблем не будет. И никто ничего не думает. Просто Вадим Алексеевич решил, что преподаватель не может просто так для студентки место искать. Должна быть какая-то личная причина.

- Да, наверное... - опять растерялась Надя.

Она не понимала, что происходит. Какая-то часть её настойчиво предлагала завершить эту встречу, а другая, с более громким голосом, советовала не торопиться и побыть немного с человеком, который так много для неё значил. Они ведь только разговаривают.

- Ты, наверное, голодная после работы? Может, перекусим? – предложил вдруг Игорь Николаевич.

Надя вспомнила, что за целый день она не сподобилась даже маковой росинкой поживиться: от волнения, связанного с предстоящей встречей, аппетит пропал напрочь. Сейчас он тоже не появился, но отказываться было неудобно: возможно, Игорь Николаевич был голоден, тогда она просто обязана составить ему компанию.

- Если вы хотите... - начала она неуверенно.

Он улыбнулся и пригласил официанта.

- Что ты будешь? – обратился к Наде, когда им подали меню.

Она заказала салат.

- И всё? – удивился Игорь Николаевич.

- Я не очень голодная.

- Фигуру бережешь? После шести нельзя?

- Да нет...

- И я думаю, что тебе эти диеты ни к чему. Может, ещё что-то закажешь?

- Может, десерт потом, попозже, - подумав немного, ответила она.

Он кивнул и заказал официанту суп, бифштекс с картошкой и салат.

- А я голоден, как волк, - сказал он с улыбкой. – Целый день сегодня...

- А пить что будете? – поинтересовался официант.

- Сок, - сказала она.

- А мне воды без газа. И дайте нам, наверное, бутылку вина, - Игорь Николаевич опять открыл меню и начал выбирать.

- Я не пью, - замахала руками Надя.

- Мы чисто символически. За твою работу. Надо же обмыть это дело.

Минут через двадцать они уже ели, пили за Надино будущее и много говорили. Она немного расслабилась, перестала ощущать неловкость и совсем позабыла про чувство вины, которое не давало ей покоя с того самого дня, когда Игорь Николаевич оказался посвящён в её сердечную тайну.

Из кафе ехали на такси. Ночной город играл разноцветными огнями, которые немного расплывались то ли от её довольного прищуря, то ли от выпитого вина. Надя почувствовала на колене руку Игоря Николаевича и вздрогнула. Промелькнула запоздалая мысль, что надо было всё-таки сесть спереди, как он и предлагал ей. Но она не послушала: вспомнила недавний разговор где-то в гостях о том, что в такси или в другой машине с незнакомым водителем лучше ехать на заднем сидении, а на переднее, которое называют «местом смертника», желательно не садиться. «Если жизнь дорога», - добавил тогда рассказчик, чьими словами так вдруг прониклась Надя. Они и сейчас отзывались в её голове отдалённым эхом. «Если жизнь дорога...»

Рука Игоря Николаевича поднялась выше на талию, потом коснулась её шеи, и она почувствовала его губы рядом со своими. Это был первый поцелуй в её жизни, и она отдалась в этом поцелуе так, как может отдаться искренне любящая, безгранично доверяющая и жаждущая именно этого мужчину женщина.

Когда такси остановилось возле её дома, из него вышла совсем другая Надя, в какой-то мере уже не девственница: она пустила в себя мужские соки, и те забурлили в ней, взыграли в нижних чакрах сильным желанием, которое вмиг преобразило её, выплеснув наружу весь тщательно скрываемый до сих пор огонь.

Игорь Николаевич несказанно удивился произошедшей метаморфозе, ещё больше разгорячился и припал напоследок к её пылающим губам долгим страстным поцелуем.

- Я позвоню, - зашептал он, когда смог наконец оторваться от неё.

И не обманул. На следующий день вечером в Надиной квартире раздался телефонный звонок. Она подскочила и помчалась в прихожую.

- Здравствуй, Надя, - его голос проник в неё мягкой бархатистой волной.

- Здравствуй... - она запнулась и покосилась на открытую дверь комнаты, в которой родители смотрели телевизор. Подумала, что лучше говорить на ты – легче будет придумать отговорку.

- Давай встретимся завтра. Вечером, после работы. Сможешь?

«Конечно!» - захотелось ей закричать и подпрыгнуть от радости. Но она, насколько смогла, спокойно ответила:

- Да, смогу.

- Тогда завтра в семь в нашем кафе.

«В нашем кафе». Эта фраза растеклась по Наде живительными ручейками, которые наполнили её без остатка, заставив позабыть обо всём на свете: о страхах, о чувстве вины, о его жене и вообще о том, что бывают в этой жизни какие-то невозможные вещи.

Долго в кафе они не сидели. Игорь Николаевич сказал, что договорился насчёт аренды квартиры. Она кивнула в ответ. Через час он жарко обнимал её в скромных однокомнатных апартаментах, меблированных большой двуспальной кроватью...

Домой Надя вернулась, когда часы показывали одиннадцать. Её никто ни о чём не спрашивал: родители были заранее предупреждены, что дочь задержится допоздна на работе. Они уже укладывались. Стараясь не попадаться им на глаза, она быстро прошмыгнула в ванную.

- Ужин на плите! – бросила ей вдогонку мама.

- Хорошо-хорошо, - ответила Надя и поскорей закрылась.

В ванной долго стояла у зеркала, разглядывая своё лицо. Оно казалось ей другим, не таким, как прежде. Незнакомым даже. «Наверное, это лицо счастливого человека», - подумала она, ведь прежде ей никогда не случалось испытывать такую радость. Светится от счастья – вспомнила вдруг. Это было как раз про неё.

На седьмом небе – в голову пришла ещё одна народная мудрость, смысл которой раньше тоже был не очень ясен. А сейчас она прекрасно понимала, что это такое – парить в облаках, испытывая необыкновенное, неземное счастье. У других оно земное, обычное, а у неё – не такое, иное, неземное. И это большая тайна, в которую никого не надо посвящать.

Именно так было договорено в тот вечер. И держать всё случившееся в секрете они будут не только потому, что он женат, а, скорее, чтоб сберечь от чужого глаза их особенный маленький мирок, в котором безраздельно царила необыкновенная любовь.

Так и повелось. У Нади стало как бы две жизни: первая - для всех, а вторая, скрытая, - только для него. И только эта вторая имела значение, её одну она считала жизнью, а остальное – так, фон и ничего больше.

Игорь Николаевич считал иначе, для него важно было всё: и его работа, и семья, и Надя, которую он по понятным причинам не мог определить ни на первое, ни даже на

второе место. На всякий случай, чтоб Надя вдруг не удумала склонять его к каким-нибудь рокировкам, он, как только всё у них завертелось, напомнил ей, что у него дочь-подросток, которой нужен отец. Надя заверила: ей это всё понятно, и она ни на что не претендует.

Говорила она, кстати, чистую правду, и за всё время их романа действительно ни словом, ни полусловом не обмолвилась о каких-то своих планах в отношении своего возлюбленного. Ей даже в голову не приходило, что можно как-то намекать, требовать, подталкивать. Конечно же, Надя хотела, чтобы он развёлся и женился на ней – в тайниках своей души она лелеяла эту сладкую мечту. И это было всё, что она могла себе позволить. А он, когда сможет, обязательно разведётся и предложит ей руку и сердце. Вот подрастёт дочка, и тогда всё устроится – так почему-то думалось Наде, и эти думы согревали её унылыми одинокими вечерами, когда у них не было свиданий. Таких вечеров, невероятно долгих и похожих друг на друга, было гораздо больше, чем редких встреч, и со временем Надя стала впадать в тоскливое безрадостное состояние, которое говорит о том, что интерес к жизни из неё уходит. Она была похожа на лампочку в сыром подвале, которую включали пару раз в неделю, и только тогда она загоралась, освещая ярким тёплым светом всё вокруг. Но свидание заканчивалось, и «выключенная лампочка» растворялась на несколько дней в непроглядной темноте подземелья.

Между тем, герой её романа, который уже не был для неё Игорем Николаевичем, пошёл в гору: он защитил докторскую, стал заведовать кафедрой и вдобавок начал консультировать за очень неплохие деньги какого-то начинающего политика. Плюс к этому семья и замечательная беспроблемная любовница. Что ещё нужно человеку для счастья?

Но почему-то так бывает в жизни, что никакое счастье не длится долго: не держится оно на века, как бы нам того ни хотелось. Да что там на века, даже на годы не сохраняется эта захватывающая и бесконечно радующая комбинация разных элементов, которая позволяет нам ощущать полную удовлетворённость своей жизнью.

У Игоря Николаевича начались проблемы с женой. Собственно, они были в их отношениях давно: он не мог уже точно сказать, когда случилась эта метаморфоза, которая превратила милую жизнерадостную девушку в вечно чем-то озабоченную и регулярно обижающуюся соседку по квартире. Игорь Николаевич знал, что история это обычная, замечал, что кто-то, не выдержав таких перемен, разводился, а кто-то искал утешение на стороне. Ни того, ни другого он предпринимать не собирался. Развестись,

чтоб опять со временем жениться, а потом наблюдать, как очаровательное создание превращается в непонятно что, - такого ему надо. Как ни крути, тут он всё-таки своего ребёнка воспитывает, а там что его ждёт? Алименты и чужие дети? Нет уж, увольте. Любовница, конечно, не такой рискованый вариант, но отважиться на него Игорь Николаевич тоже почему-то не мог. То ли воспитание мешало, то ли страх, что попадётся. А, может, и то, и другое.

Вероятно, он ни на что бы так и не решился, если бы не Надя и её большая любовь. Он не думал прежде, что так вообще бывает. А уж поверить, что именно он, а не какой-то там Ален Делон вызвал такие чувства, было совершенно невозможно. С того самого момента, как он оказался посвящён в Надину тайну, ему было видно, что у неё не просто какая-то там увлечённость – это было что-то большее. Когда он понял, что никакой угрозы для его семейного очага не существует, он позволил себе некоторые фантазии в отношении Нади. И сильно разволновался, потому как в фантазиях этих было всё: и желание отведать сладкого пирога, и беспокойство по поводу того, как это всё устроить, а главное стоит ли вообще это делать. У них ведь приличная шестнадцатилетняя разница в возрасте. А вдруг юная Надя обнаружит, что предмет её обожания не дотягивает до уровня даже вполне посредственного любовника, вдруг он разочарует её чем-то, вдруг она, разбив ему сердце, упорхнёт однажды из его объятий и уйдёт в другую яркую жизнь к молодому свободному мужчине...

От всех этих «вдруг» становилось не по себе, и тогда Игорь Николаевич убеждал себя, что ему лучше воздержаться от этого шага, после которого вся его жизнь, пусть и не самая радостная, но далеко не самая плохая, может полететь под откос. И он уже почти убедил себя, но тут вдруг, откуда ни возьмись, этот Вадик со своими подозрениями. Обвиняя своего старого приятеля, Игорь Николаевич совсем позабыл, что возник Вадик в их истории совсем не случайно: ведь он сам, заботливый преподаватель, вовлёк его в это дело. Впрочем, теперь уже было неважно: плотину прорвало, и остановить хлынувший поток он был не в силах. А когда у них с Надей всё завертелось, он поблагодарил небеса за то, что вопреки всему решился на этот шаг.

Купаясь в Надиной любви, он растворялся от счастья, от блаженства и чего-то такого, совсем не знакомого ему прежде. Кажется, это называют нежностью. Предчувствуя неладное, Игорь Николаевич, крепко-накрепко повелел себе не терять голову, даже мыслей никаких не допускать о разводе и прочих неразумных вещах.

Но то, чего боимся, однажды непременно приходит в нашу жизнь, а может даже и нагрянуть как-то совсем внезапно, одним махом разорвав в клочья тот хрупкий неустойчивый мир, который мы создаём долгое время. Года через три, когда, по мнению многих, любовь уже уходит, к Игорю Николаевичу она как раз взяла, да и пожаловала во всей своей красе. Он понял вдруг, что не просто увлечён своей бывшей студенткой, а что действительно любит её и хочет быть только с ней.

Он успел заметить за время их романа, как преданна ему Надя, как она мила, добра и терпелива. Ему нравилось в ней всё: умение его слушать, буквально открыв рот, способность быть сдержанной и немногословной, причём именно тогда, когда это требовалось. Он сравнивал Надю со своей женой и всякий раз убеждался, что сравнение это далеко не в пользу его законной половины. И дело вовсе не в том, что с любовницей он делит радость и блаженство, а с женой все тяготы быта и разных житейских неурядиц, которые не одну семейную гармонию превратили в прах, а милых возлюбленных – в злобных фурий. Он точно знал, что Наде это не грозит: столько было в ней такта, выдержки и удивительной способности довольствоваться самым малым. Она никогда не станет срывать и сыпать без разбору упрёки с оскорблениями, она никогда будет требовать, обижаться и воспитывать его. В этом он ни секунды не сомневался и поэтому ещё больше привязывался к ней душой и телом.

Чем больше он привязывался к Наде, тем слабее становилась нить, которая соединяла его с женой. Дочка подрастала, её уже не надо было никуда водить, не надо было делать с ней уроки и вообще заниматься её проблемами: она стала на удивление самостоятельной и в какой-то момент совершенно отказалась от родительского участия в своей жизни, равно как и от контроля тоже. Жена Игоря Николаевича сильно возроптала от такого дочернего непокорства и, подключив мужа, начала активно возвращать заблудшее дитя в семейное лоно. Как-то во время ужина она с необычайным жаром принялась шуметь на это дитя, которое за её упорное нежелание держать перед родителями отчёт назвала пару раз в сердцах безмозглой акселераткой.

«Акселератка» посмотрела на отца. Во взгляде её читалась надежда на его всегдашнее благоразумие. Но Игорь Николаевич счёл, видимо, что правильнее будет в этой ситуации поддержать жену, а не дочку.

- Мама права, Ира, - не спеша, тщательно отделяя каждое слово, проговорил он. – Мы же должны помогать тебе.

- Помогите сначала себе, - фыркнула «акселератка», вскочила и выбежала из кухни.

Из прихожей послышалось, как заскрежетал в замочной скважине ключ.

- Ты куда? Ночь на дворе! – рванула туда жена.

Но ответом ей был грохот резко закрывшейся металлической двери.

Перепуганная, она вернулась в кухню и посмотрела на мужа.

- Ну, что? – спросила у него так требовательно, будто была учителем, который обращался к какому-то отпетому двоечнику, в очередной раз не выполнившему домашнее задание.

- Я пойду, догоню её, - выкрутился «двоечник».

Во дворе, на редкость хорошо освещённом, дочери нигде не было. Он повернул голову. Заметив в кухонном окне силуэт жены, тут же поспешил в арку, которая вела на улицу. Вышел. Прошёл метров сто, забрёл в соседний двор. Он знал, что ни здесь, ни в каком-то другом месте Иру он не найдёт. Но почему-то не беспокоился из-за этого: был уверен, что с дочкой всё в порядке, наверняка она помчалась к одной из подруг.

Оглядевшись, Игорь Николаевич заметил скамейку. Подошёл, сел и задумался. Жена наверняка сейчас обрывает все провода. Может, даже плачет. Как он устал от этого всего. Он ведь был всегда хорошим мужем, заботился о них с дочкой, как мог. Тащил всё в дом. И даже после того, как завёл роман с Надей, он никак не отдалился от семьи: по-прежнему нёс свой супружеский и отцовский долг, старался, вникал, помогал. И категорически отказывался признавать себя изменником. Да, позволил себе чувства на стороне – с кем не бывает. Никакой разлад в семью он ведь не вносил. А жена на него сейчас так выверилась, будто только он один во всём виноват. А, может, она узнала что? Или просто догадывается? И что, что со всем этим делать?

Игорь Николаевич запаниковал. Потом, успокоившись немного, решил, что в принципе ничего страшного не происходит. Если она поднимет бучу, то он тогда уйдёт с чистой совестью к Наде. А если не поднимет? Тогда он подумает.

Думал Игорь Николаевич целый год. Точнее он не думал, а всё откладывал и откладывал. Противостояние жены и дочери, конечно, никуда не делось: оно, как присосавшаяся болячка, вошло со временем лишь в хроническую, не сильно напрягающую стадию. К нему все привыкли, и даже случавшиеся иногда рецидивы не создавали впечатления чего-то чрезвычайного и требующего определённых мер. Всё как всегда. В пределах нормы. По большому счёту, рассуждать Игорю Николаевичу особенно и некогда было. То работа, то приработок. Потом Надя.

Но вдруг Надя заболела. По-женски. Что-то у неё воспалилось, кровило. Игорь Николаевич испугался, засуетился. Надя стала завсегдаем больниц: то консультации, то анализы, пару раз были даже стационары. Она ещё больше погружалась в своё тяжёлое уныние, поэтому порой не успевала из него выйти при встрече со своим любимым. Он стал замечать это и впервые понял, как ей, оказывается, нелегко, поэтому решил, что как только всё закончится с больницами, он серьёзно поговорит с Надей и, если она будет готова, то он разведётся и женится на ней.

Не подозревая о таких далеко идущих его планах, Надя стоически терпела все физические и моральные муки, подавляя рвущиеся наружу слёзы. Особенно тяжело пришлось, когда доктора заявили, что ей непременно надо родить, и чем быстрее, тем лучше. Надо было выбирать, и выбор для неё был очевиден. Мысль, что она, возможно, никогда не станет матерью, удручала её, но ещё горше было осознавать, что крепко пошатнувшееся здоровье вряд ли поправится, а это значит, что не всегда она будет готова к их свиданиям, которые в последнее время случалось откладывать из-за её недомоганий. Она долго плакала по ночам в подушку, но так и не решилась сказать Игорю Николаевичу про жизненно необходимого ей ребёнка.

Заговорила с ним о ребёнке, причём не потенциальном, а вполне реальном жене.

- Я беременна, - сообщила она однажды совершенно нейтральным голосом, будто это была новость о готовящемся приплоде у соседской таксы.

Игорь Николаевич опешил. Попытался вспомнить, когда они с женой последний раз «дружили» - это слово в значении сексуального контакта пришло в их семью благодаря гинекологу жены, которая предпочитала всем научным и официальным формам именно этот душевный вариант.

«Месяца полтора назад», - припомнил он, когда последний раз выполнял свой изрядно опостылевший супружеский долг.

- Я не буду делать аборт, - не дождавшись никакой реакции, сообщила жена ещё одну новость. Пожалуй, более ошеломляющую, чем первая.

Игорь Николаевич бросил на неё растерянный взгляд.

- А не поздновато тебе рожать? – зашёл он с другого боку, но тут же сообразил, что в адрес тридцативосьмилетней женщины, к тому же имеющей ребёнка, вопрос этот был не совсем в тему.

- Я имею в виду здоровье. У тебя сердце, почки. Всё-таки нагрузка большая, - попробовал он реабилитироваться.

- Я всё равно буду рожать, - твёрдо заявила она, - даже если ты решишь со мной развестись.

И вот тут он понял, что жена всё знает. Не догадывается, как предполагал прежде, а именно знает. Причём, похоже, давно, потому что, на удивление, спокойна и хладнокровна. На свежую новость она реагировала бы иначе. Интересно, откуда она узнала?.. Боже, о чём он думает? Будто пробудившись окончательно, Игорь Николаевич схватился за голову. Ребёнок? У них будет ещё один ребёнок? Внутри всё оборвалось: его мечты о Наде, о жизни с ней только что приговорили к смерти. Его закрутит новая карусель, похожая на ту, что вертится со дня рождения дочки. Нет, он не вынесет этого. Он не хочет. Остановите, пожалуйста.

- С тобой всё в порядке? – откуда-то издали донёсся голос жены.

Игорь Николаевич пришёл в себя и почувствовал испарину на лбу.

- Я думаю, нам всё-таки следует обдумать это дело хорошо. Я не смогу тебе помогать, как с Ирой... Я сейчас занят очень...

- Я знаю, что занят. Игорь, я всё равно буду рожать. Не хочу делать аборт.

Жена встала и вышла из кухни, громко хлопнув дверью. Или ему так показалось, что громко.

На следующий день он чуть не плакал на коленях у Нади, рассказывая ей о своих грандиозных планах и о том, как безжалостно их разрушила судьба.

Надя гладила его по голове и глотала подкатывающиеся слёзы. Ей очень хотелось расплакаться вместе с ним и рассказать ему о приговоре, который вынесли ей доктора. Но что это изменит сейчас? Уже ничего. А её любимому от этого станет ещё тяжелее.

У Игоря Николаевича родился сын. Надя не отвлекала его от хлопот с новорожденным: она как раз уехала на какой-то курорт, очень полезный для женщин с её болезнями. Отправили её туда родители, всерьёз обеспокоенные состоянием своей дочери. Причём, не только физическим: давняя её хандра тоже не оставалась без их внимания. Понятны им были и причины: замуж пора, а она всё одна. О многолетнем романе Нади они, конечно же, не догадывались, поэтому всячески старались устроить дочку судьбу. Особенно преуспевал в этом деле папа Нади: он почему-то был убеждён, что ей одной никак не справиться с такой задачей, поэтому предпринимал самые что ни на есть активные попытки подыскать своему единственному ребёнку хоть какой-то вариант. Все его знакомые были посвящены в их семейную беду – именно так характеризовал он сложившуюся ситуацию, которая грозила его нерадивой дочери

остаться в девках. Знакомые сочувствовали, обещали содействие в поиске кандидатур и порой даже что-то находили. Тогда с помощью разных манёвров устраивались свидания, которые ни к чему не приводили: то кандидат не проникался, то Надя артачилась во всю. Папа тогда серчал на непослушную дочь, которая не ценит, не понимает и вообще непонятно, как собирается дальше жить.

Надя действительно не имела ни малейшего представления о том, как дальше жить, особенно после известия о беременности жены Игоря Николаевича. У неё впервые тогда появились гнетущие мысли о греховности их отношений. С ужасом представляла она себе, как отреагировала бы набожная мама, случись ей узнать, с кем «путается» её единственная дочь. Именно этим словом та привыкла характеризовать любые внебрачные отношения, которые сурово ею осуждались и порицались. Поэтому Надя тщательнейшим образом скрывала свой роман, внимательно следя за тем, чтобы родители ни о чём не догадались. Даже решила было, что в следующий раз, когда папа подсуетится насчёт кавалера, она не будет сразу давать отворот-поворот, а потянет немного время, чтоб тот сам со временем охладел.

Но реализовать задуманное ей не удалось: пришла в её жизнь болезнь, и стало как-то совсем не до кавалеров. А может, у папиных знакомых и у знакомых этих знакомых просто исчерпался ресурс по кавалерам. В общем, тема закрылась. А потом, когда Надя узнала про будущего ребёнка в семье своего возлюбленного, она категорически не хотела даже знакомиться с кем-то. По большому счёту она вообще уже ничего не хотела. Цеплялась только по привычке за Игоря Николаевича, без которого никак не мыслила своей жизни.

Сначала Надя противилась идее уехать куда-то на целых три недели, но потом поняла, что ему сейчас, когда вот-вот родится ребёнок, наверняка будет не до амуров. Именно так она подумала - не до амуров. Прежде ей вряд ли пришло бы в голову так определять их отношения, а теперь она стала замечать в себе ростки большого сомнения в том, что когда-то их история может получить иное развитие.

- Всё так и будет, ничего не изменится, - заверила её соседка по комнате Ольга Максимовна.

Оказавшись в санатории, Надя будто немного ослабила нить, связывающую её с Игорем Николаевичем, и впервые за долгое время почувствовала, что ей не надо бояться, не надо партизанить каждую минуту, страшась каких-то нестыковок и неожиданностей, способных раскрыть её большую тайну. Поэтому однажды вечером она

разоткровенничалась со своей соседкой, к которой успела проникнуться симпатией и доверием. Будь Надя дома, она никогда бы не решилась на такое даже под пытками, а тут вдруг расслабилась и почувствовала безотлагательную потребность в человеке, которому могла бы поведать о том грузе сомнений, страхов и печальных дум, который она тащила на себе не первый год.

Надина история так тронула Ольгу Максимовну, что на глазах у неё даже заблестели слёзы.

- Бедная ты бедная... - заговорила она тихим голосом. – Как же тебя угораздило...

- Что вы, я не жалею ни о чём. Я люблю его, - начала оправдываться Надя.

- Какая же это любовь, если ты так мучаешься?

- А как иначе? В любви не бывает без страданий.

- Кто тебе это сказал?

Надя пожала плечами, как будто это была очевидная вещь. Даже странно, что взрослый человек, у которого есть дети и внуки, не понимает этого.

- Кто тебе сказал? – повторила Ольга Максимовна свой вопрос.

- У всех так. В книгах, в кино... - начала неуверенно Надя.

- Не у всех. Так, как ты говоришь, бывает у людей несчастных, а у счастливых всё иначе.

- Без страданий и боли?

- Да, именно так. Но это не значит, что без трудностей и проблем. Они есть, конечно, но боли и страданий нет. Понимаешь?

- Если честно, не очень.

- Потому что ты несчастлива.

Надя бросила на свою соседку изумлённый взгляд. Она хотела что-то сказать, даже открыла рот, но потом неожиданно для себя самой расплакалась, как ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку.

- Успокойся, деточка, - когда Надя немного выплакалась, Ольга Максимовна подошла к ней и стала гладить по голове.

- Я не знаю... Я не могу... - Надя попробовала что-то сказать, но опять залилась слезами.

Через какое-то время она всё же пришла в себя и спросила:

- Вы действительно думаете, что я несчастна?

- А тут и думать нечего. Ты живёшь без радости.

Надя наклонила голову и замолчала.

- Вы считаете, что это он виноват в этом, мой... - запнулась, не зная, как назвать того, кто стал смыслом её жизни.

- Нет, конечно. Причина в тебе. Ты сама не умеешь радоваться жизни. Ты уверена, что жизнь – тяжёлое суровое испытание.

- А разве это не так?

- Если ты веришь в это, то так и будет в твоей жизни.

Надя крепко засомневалась в этих словах. За всю свою двадцатилетнюю жизнь она не встречала людей, которые бы думали о жизни иначе. Все вокруг - её родители, подруги, знакомые и даже коллегами из благотворительного фонда – все они относились к жизни так же, как и она.

«Возможно, Ольгу Максимовну действительно трудности обошли стороной, Бог миловал от каких-то больших неприятностей, - подумалось ей. – Наверное, так бывает, но, к сожалению, редко. Очень редко». Надя решила, что та просто не может понять её: она знает совсем другую жизнь.

- Ты привыкла думать, что радостей в жизни не может быть много. Наоборот, по-твоему, их до обидного мало, как дефицитного товара в былые времена. Даже если это крохи с чужого стола, ты всё равно хватаешь их: вдруг потом не будет даже этого.

Апелляция к воображению Нади была воспринята ею как намёк, который больно резанул по давно уже саднящей ране.

- Ты не веришь, что заслуживаешь счастья. Не веришь, что есть в этом мире что-то хорошее именно для тебя.

Надя молчала. Она не могла понять, по какому её больному месту бьют эти слова сильнее: по нечистой совести или же это был удар прямым в её сердце, измученное пустыми бесплотными надеждами. Растерянность и испуг читались сейчас в её взгляде: так обычно смотрят приговорённые на судей и прокуроров. Ольге Максимовне стало не по себе.

- Ты пойми, деточка... - начала она.

- Вы не понимаете, - не привыкшая перебивать своих собеседников, Надя не могла больше сдерживаться. – Я ничего не делала для того, чтобы это всё началось... Тут нет моей вины.

Надя опять расплакалась.

- Конечно, нет, - обняла её Ольга Максимовна за плечи. – Нет твоей вины.

- И его тоже нет... - проговорила, глотая слёзы, Надя. – Никто не виноват. Так вышло...

- Да-да, конечно, - глядя её по голове, согласилась Ольга Максимовна. – Так вышло...

Больше они не говорили об этом.

Через несколько дней Ольга Максимовна уезжала. Её сын приболел и не смог забрать её, поэтому ей пришлось возвращаться домой на автобусе. Надя помогла донести до остановки вещи. Автобуса не было. Они стояли вдвоём. Немного нервничали: Ольга Максимовна беспокоилась из-за сына, а в Наде опять разбушевались её прежние думы.

- Что мне делать? – неожиданно выдала она.

Послышался гул подъезжающего автобуса.

- Что мне делать, скажите? – с мольбой в глазах бросилась она к Ольге Максимовне.

- Я не знаю, Надюша, - растерялась та. – Не знаю, что тебе посоветовать. Ты просто должна понять, что раз мужчине недостаточно для счастья одной женщины, то не факт, что ему хватит двоих.

Надя не поверила своим ушам. Она готова была к чему угодно: к совету бросить его, найти свободного мужчину, уйти, наконец, в монастырь, чтоб замолить свои грехи...

Автобус подъехал к остановке и распахнул двери.

Ольга Максимовна протянула руки для объятий.

Надя будто окаменела.

- Он не такой. Вы его совсем не знаете...

- Может, я ошибаюсь, - заговорила спешно Ольга Максимовна и обхватила деревянную Надю. Потом взяла большую сумку.

- Давайте, я вам помогу, - из салона выглянул паренёк и схватил сумку.

- Садитесь, я подам вторую, - опомнилась вдруг Надя.

Она помогла Ольге Максимовне сесть.

- Не сердись на меня, - бросила та на прощание. – И будь счастлива.

Двери закрылись, автобус тронул с места. В окно была видна одинокая и скукожившаяся, будто от холода, Надина фигура. Ольга Максимовна пожалела, что не оставила ей номер своего телефона. «Надо будет позвонить администратору и попросить, чтоб передали Наде и номер, и приглашение звонить, если будет нужно», - решила она и на следующий день именно так и сделала.

Но записка с номером до Нади не дошла. Администратор передал её дежурной, а та куда-то подевала в суматохе. Впрочем, вряд ли это спасло бы нашу героиню: не привыкшая обременять других своими проблемами, она не стала бы звонить, чтоб только поплакаться. А советы... Что в них толку? Кто из нас их слушает? Дельный совет – это ж не таблетка, которую можно принять по-быстрому и успокоиться. Он, как правило, вызывает раздражение, он заставляет шевелиться, а это как раз то, чего жаждущий утешения меньше всего хочет. Кабы хотел и мог, то вряд ли так неистово питал свою жалость.

Возвращаясь домой, Надя потуже завязала себя в узел – так, чтоб не продохнуть, чтоб не выплеснуть больше ненароком свою боль на других, закрыв тем самым не только все возможные выходы, но и входы тоже. Она решила, что жить с этим – её судьба. Ведь многие так живут: кто с недугом тяжёлым, кто с болью утраты. У каждого что-то болит. Почему она должна быть исключением?

По возвращении Надя обнаружила своего возлюбленного необычайно встревоженным. Причиной этой тревоги, как оказалось, была она, укатившая невесть куда, а без неё, между прочим, тут скучают и очень переживают. Как никогда прежде, Игорь Николаевич был нежен, внимателен и в то же время горяч. Надя немного оттаяла.

Оттаяла, правда, только на время. Минуты, часы, дни, проведённые в большой радости, проходили, как один миг, и ускользали куда-то без следа. Взамен же оставляли хорошо знакомую тоску, пустоту и беспросветность. Со временем эта тоска стала одолевать её не только в моменты одиночества, но даже во время их встреч, по-прежнему редких, только теперь ко всему прочему отягощённых бесконечными жалобами Игоря Николаевича на свою до невозможности тяжёлую бытность. Уставший и задёрганный, Надин возлюбленный много говорил про малыша, капризного, неспящего и вдобавок регулярно болеющего. Она жалела Игоря Николаевича, прижимая к груди его понурюю голову, и всё чаще приходила к мысли, что напрасно она уверила себя когда-то, будто стала для него светом в окошке – ей скорей следовало бы считать себя причиной такой его растрёпанной и выматывающей жизни. Она всё больше и больше увязала в чувстве вины, так обильно вскармливаемом ею самой и тем, без кого она никак не мыслила своей жизни.

Время шло. Когда Наде исполнилось двадцать девять, и она с ужасом осознала, что к ней подкрадывается третий десяток. Недовольство собой и своей жизнью достигло невероятных масштабов, и она опять разболелась. Всё теми хорошо ей знакомыми женскими недугами. Причём разболелась настолько серьёзно, что отношения с Игорем

Николаевичем на какое-то время пришлось прекратить. Он сокрушался, родители переживали, а Надя в какой-то момент осознала, что просто не хочет жить. Если бы имелось под рукой какое-нибудь верное средство, она без колебаний воспользовалась бы им, чтоб раз и навсегда покончить со всем этим.

Особенно остро она ощутила это, когда лежала на больничной койке и переваривала услышанную от докторов информацию про потенциальную возможность онкологии в её донельзя разбалансированной гинекологической системе. Хотелось плакать, но слёз уже не было. К тому же это вряд ли понравилось бы её соседкам по палате, увлечённым очередными сериальными страстями, которые транслировал небольшой переносной телевизор.

Она горевала втихомолку, слабо реагируя на происходящее вокруг. И вдруг до неё долетел знакомый, даже какой-то родной голос. Надя подскочила и уставилась на экран телевизора. Поняла, что не ошиблась, это действительно была Ольга Максимовна - та самая соседка из санатория, которой несколько лет назад она доверила свою большую тайну. Надя так обрадовалась, будто видела свою знакомую не по телевизору, а встретила с ней вживую и радостно обнимала её. От переполнившего восторга она даже не сразу поняла, что говорит Ольга Максимовна, и как вообще она оказалась в телевизоре.

- Сколько пробежала? – над Надиным ухом прогремел голос Ани, толстой девицы, лежащей справа.

- Сто километров, - хором ответили две другие соседки, удивлённо смотревшие на экран.

- А лет ей сколько, я не поняла? – опять откуда-то из «танка» поинтересовалась Аня.

- Да сказали ж тебе, семьдесят! Чем ты слушаешь?

Надя только недоумённо водила глазами и пыталась сообразить, о чём вообще речь? Неужели это они про Ольгу Максимовну говорят? Она что, марафонец?

Между тем женщина на экране достала из коробки медали и стала показывать ведущей.

Прямо на полуслове её прервала реклама.

Соседки принялись обсуждать увиденное, попутно отвечая на вопросы всё той же что-то пропустившей Ани. Надя слушала их и не верила своим ушам.

Оказалось, что Ольга Максимовна - чемпионка в марафонском беге среди пожилых людей. Бегать она стала не так давно, а до этого вообще никогда не занималась спортом. Надела кроссовки после шестидесяти, когда у неё обнаружили рак лёгких. Стадия серьёзная – предупредили её доктора - почти неизлечимая. Ольга Максимовна решила тогда не экспериментировать с лечением, а дожить сколько ей осталось в тишине и покое. Перебралась из города в глухую деревню, где смогла купить почти задаром небольшой домишко. Пила молоко от коровы, гуляла в лесу. Окрепла и постепенно, самая не заметив как, начала бегать.

Когда они познакомились в санатории больше трех лет назад, Ольга Максимовна уже бегала – вспомнила Надя. Пока она сама ещё нежилась в постели, предаваясь последним утренним снам или обычным своим грёзам, её соседка, поднимавшаяся ни свет, ни заря, делала в парке зарядку, а потом совершала небольшую пробежку. Надя с трудом понимала это спортивное рвение стареющей женщины – правда, годков она ей отмерила меньше, где-то так за пятьдесят, как её маме. А вышло, что начинающей спортсменке было тогда уже шестьдесят шесть или семь. Ничего себе.

В палату заглянула санитарка и позвала на ужин. Надины соседки засобирались на выход. Хозяйка телевизора потянулась, чтоб выключить его, но Надя попросила не делать этого: она решила остаться и досмотреть.

- А как же ужин? – забеспокоилась Аня.

Надя махнула рукой – дескать, неважно.

- Хорошо, мы принесём тебе, - прихватив пустующий лоток, пообещала Аня.

- Спасибо, - бросила ей Надя и прилипла к экрану.

Рекламная пауза как раз закончилась. Из оставшейся части репортажа стало ясно, что Ольга Максимовна не у Бога за пазухой коротала свой век, как думала Надя прежде. Досталось этой женщине, судя по всему, за двоих, а, может, даже за троих. В пять лет она осталась сиротой: отец-фронтовик умер от ран, а мама стала жертвой неудачного аборта. Потом был детдом. В пятнадцать лет какая-то стройка, в память о которой остался тяжёлый, чуть не стоивший жизни перитонит. Выучившись на инженера, двадцатичетырёхлетняя выпускница пришла работать на завод и встретила там свою любовь. Сыграли свадьбу, а через пять лет развелись. Тот самый перитонит, который Ольга Максимовна еле пережила и о котором думать позабыла, напомнил о себе бесплодием. Оказалось, что бездетная супруга не входила в планы её мужа, поэтому брак распался. На фоне видеоряда женщин, гуляющих с колясками и обнимающих своих детей,

ведущий проговорил пару банальных фраз про то, как трудно героине сюжета было справиться с этим.

«Что он понимает!» – возмутилась Надя и представила себе, сколько горьких слёз пролила её знакомая, сколько времени превозмогала свою боль, стараясь не сойти с ума и не свети счёты с жизнью. И тут её осенило! Был ведь сын! И внуки были – Ольга Максимовна много о них рассказывала. Сын – объясняли как раз с экрана – был взят этой мужественной женщиной в приюте. Резануло слух это слово «мужественная» применимо к женщине, но потом, когда Надя услышала продолжение истории, она уже была не так категорична в отношении эпитетов, используемых кинематографистами. Оказалось, что усыновила Ольга Максимовна больного ребёнка, у которого были проблемы с суставами. Долгое время он передвигался на коляске, но со временем приёмная мать смогла поставить его на ноги.

Надя вытерла катившуюся по щеке слезу. Вряд ли услышанная история произвела бы на неё такое впечатление, если бы не личное знакомство с Ольгой Максимовной. Сильнее всего поражал тот факт, что та ни разу не обмолвилась об этом. Была всегда необыкновенно добра, мила и приветлива – Надя не встречала больше таких людей и полагала, что они, как редкие цветы, произрастают где-то в тепличных условиях, окружённые со всех сторон любовью и заботой. По логике, к которой она привыкла и которую считала единственно верной, чем больше человеку достаётся в этой жизни, тем больше он имеет право на недовольство и возмущение. Ему можно простить, когда он злится, срывается и жалуется на жизнь: вон ведь сколько всего свалилось на человека. А выходит, что всё может быть по-другому. Совершенно по-другому.

На какое-то время Надя даже позабыла о своих горестях. Размышляя, вспомнила интервью одного музыканта, прочитанное ею недавно. Там хорошо было сказано о таких, как она, привыкших жалеть себя и думать, как всё плохо в этой жизни. «Я бы советовал всем этим людям посещать время от времени экскурсии под названием «Путешествие в беду», - говорил он, - пусть посмотрят и подумают, что действительно важно в этой жизни и как надо относиться к проблемам».

Надя заметно пошла на поправку и через неделю выписалась из больницы. В тот же день ей позвонил Игорь Николаевич. Они давно уже не зависели от стационарных телефонов, как это было в начале их отношений, поэтому говорить могли чаще и дольше. Справившись о Надином здоровье, он заговорил о том, как сильно соскучился и как ему было плохо без неё.

- Когда мы сможем увидеться? – задал он вдруг совершенно неожиданный вопрос: в их отношениях привилегия назначать время свиданий была только у него.

Надя приятно удивилась, но вместо желаемого восторга наружу из неё просилось только одно слово: «Никогда». Этот порыв был настолько силён, что игнорировать его было невозможно.

- Я не знаю пока, - нашлась она. – Посмотрю по своему состоянию.

Ответом ей было молчание, в котором чувствовалось заметное угасание активности, интереса и всего того, что было ещё несколько секунд назад.

- Хорошо, я наберу тебя через пару дней, - услышала Надя. – Поправляйся.

Именно этому совету она и последовала. Купила себе спортивный костюм и кроссовки и утром следующего дня бегала в парке, который был недалеко от её дома. Бегала – это, конечно, громко сказано. Больше ходила: непривыкший к бегу и вообще к физическим нагрузкам организм быстро выдохся. Но она не сдавалась: шла, а потом пыталась пробежать хотя бы десяток метров. За этим занятием её, запыхавшуюся, и застал телефонный звонок.

На экране высветилось «Игорь Николаевич». Именно так сохранила она его в своём телефоне, полагая, что если кто и доберётся до списка её контактов, то скорее всего подумает, что это коллега или знакомый какой-то в летах, но никак не... Не кто? Надя смотрела на светящийся экран, на буквы, из которых складывалось имя и отчество того, без которого она не мыслила жизни, и спрашивала себя: кем был для неё этот человек, как она могла бы назвать его, если бы ей на надо было прятаться и скрывать их отношения. Ответа у неё не было: из всех банальных слов, которые были уместны для их ситуации, она не могла ничего выбрать, всё казалось мелким, даже пошловатым. А ведь она его действительно любила. Надя ужаснулась. Любила. Не любит, а любила. Именно так она подумала.

Звонок закончился. Это был первый раз за всё время их отношений, когда она не ответила ему. Могла, но не ответила.

Надя глядела на потухший экран телефона и отчётливо понимала, что костёр её большой ни с чем не сравнимой любви тоже угас, оставив только жалкие тлеющие угольки. Ей нужно будет научиться жить без него - сказала она себе и рванула вдруг с такой скоростью, которую развивала разве что в детстве, удирая от мальчишек или играя в какие-то подвижные игры. Сейчас ей казалось, что она тоже удирает, бежит без оглядки оттуда, где ей было больно, тяжело и грустно. Она не знала, сможет ли совершить этот

побег, не знала, куда бежит, но всё равно бежала, почувствовав вдруг необыкновенную лёгкость в ногах, словно с тех сняли какие-то тяжеленные кандалы.

В тот же день, когда Надя была уже дома, Игорь Николаевич позвонил ещё раз. Сама себе удивляясь, Надя совершила абсолютно невиданную вещь: она отключила телефон. Она не знала, что сказать ему, как объяснить своё новое, ещё не оформившееся в какие-то конкретные фразы состояние. Не знала, как дать ему понять, что ей не хочется видеться с ним. Не знала и в то же время боялась, что может наворотить каких-то непоправимых дел, а потом сама будет жалеть.

Но объяснение всё же состоялось. Через пару дней Игорь Николаевич смог-таки дозвониться к ней.

- Что случилось? – заговорил он настойчивым и обеспокоенным голосом.

- Не знаю, - честно ответила она.

- Тебе плохо? Опять нездоровится?

Надя молчала: за все эти годы своей полупартизанской жизни она так и не научилась врать.

- Почему ты молчишь? Надя, объясни наконец, что происходит? – Игорь Николаевич начал терять терпение. – Давай встретимся и поговорим.

- Не надо нам встречаться, - проговорила она тихо.

Ему показалось, что он не расслышал её слов.

- Что? Повтори, что ты сказала! Я не понял! - закричал он так громко, что Наде даже пришлось отвести руку с телефоном от уха.

- Не надо нам встречаться. И говорить нам ни о чём не надо, - сказала она громче и уверенней.

- Я не понял. Ты что, ты хочешь расстаться со мной? Закончить наши отношения?

- Думаю, они давно уже закончились... Мне даже кажется, что их и не...

- Наденька, опомнись. Подумай хорошо. Я же люблю тебя. И ты меня любишь, я это знаю, - затараторил он. – Да, я виноват перед тобой. Мне надо было развестись до того, как родился Миша. Я не успел. Но мы что-то придумаем. Ты погоди. Это у тебя сейчас депрессия после болезни... Это пройдёт. Нам обязательно надо увидеться и всё обговорить.

- Нет, - произнесла Надя ещё одно запрещённое в их отношениях слово и отключилась.

Она сидела и смотрела на телефон. Было чувство, что её тело растекается или расплзается в разные стороны, теряя всю свою структуру и законченность. Надя вспомнила свою недавнюю пробежку в парке, когда она, выдохшись и почувствовав боль в боку, присела на скамейку возле детской площадки. Двое малышей собирали пирамидку из разноцветных колец, надевая их на пластиковый стержень. Пирамидка получилась красивая, похожая чем-то на новогоднюю ёлку с красной вытянутой пимпочкой наверху. Потом малыши сняли пимпочку и рассыпали кольца, решив, видимо, ещё раз потренироваться в сборке пирамидки. Надя напоминала себе ту самую пирамидку, из которой вытянули стержень.

Все эти годы Игорь Николаевич был стержнем, на котором держались все её составляющие, и даже миленькая, похожая на огонёк, пимпочка, венчавшая собой конструкцию, тоже крепилась на этот самый стержень. Теперь стержень вынули, и всё рассыпалось. Надя понимала, что всё можно собрать, но стержня-то больше не было. Возможно, следовало бы поискать другой, но где его взять, она не знала. И потом – пришла в голову неожиданная мысль – случись ей вдруг найти новый стержень, кто даст гарантию, что он будет всегда при ней, что никуда не денется, не потеряется, да и вообще станет ей надёжной и крепкой опорой: может ведь в какой-то момент согнуться и сломаться. И что тогда? Ударяться в новые поиски?

Долгие дни, недели Надя размышляла обо всём об этом. Однажды в метро она столкнулась со своим прежним ухажёром, которого когда-то категорически не принял её папа. Они разговорились. Не признающий праздность и пустые разговоры ухажёр действительно оказался человеком дела и стал хорошим архитектором. Он назвал пару известных зданий, которые были построены по его проекту. Надя издала восхищённый возглас и тут же пригорюнилась, вспомнив о том, что на её счету за это время ни больших, ни даже малых свершений не значит. Да и вообще похвастать ей нечем: сидела всё в том же фонде, куда устроил её Игорь Николаевич, делала свою однообразную скучную работу и утешала себя тем, что получает за это неплохие деньги.

- А в личной? – как бы между делом поинтересовался ухажёр.

Надя только развела плечами.

- Не замужем? – уточнил он.

- Была, - вспомнила вдруг она свою экранную тёзку и улыбнулась. – Наполовину.

Ухажёр быстро сообразил, о чём речь. Он вспомнил тут же, как не раз в былые времена Надя жаловалась ему на свою фамилию, которая стала для неё настоящим проклятьем.

- Хочешь сменить?

- Что сменить? – не поняла она.

- Фамилию сменить хочешь?

Надя растерялась.

- Я не поняла. Ты мне предложение делаешь? Замуж?

- Если хочешь, и замуж. Если нет, то можешь только фамилию сменить.

- А ты не женат ещё?

- Был женат.

- Тоже наполовину? – пошутила она, выдав немного нервный смешок.

- В какой-то мере, - сказал он и улыбнулся кривовато, но не Наде, а чему-то своему.

Повисла пауза. Довольно напряжённая. Ей казалось, что ему следует ещё что-то сказать, но он молчал, решив, видимо, что сказанного им вполне достаточно, и она может принимать решение.

Надя занервничала и, сославшись на срочные дела, поспешила уйти. Напоследок, по настоянию ухажёра, она взяла номер его телефона и дала обещание подумать над озвученным предложением. Не успев его дать, она уже твёрдо знала, что ни думать, ни звонить ему не будет. Не так это всё – размышляя позже о необходимом ей стержне, заключила она. Всё должно быть по-другому: как-то романтичней, торжественней. С накалом. А то что это такое? Будто займы ей дать решил. Или предложил купить у него что-то.

Со временем Надя позабыла про ухажёра, который, как она решила, буквально оскорбил её своим предложением. Об Игоре Николаевиче она вспоминала: бывали дни, вспоминала часто, бывали – реже. Порой жалела о своём поступке, даже ловила себя на мысли, чтоб позвонить ему. Но в последний момент отказывалась от этой идеи.

Однажды она увидела его в парке на скамейке. В том самом парке недалеко от своего дома, где она совершала свои ежедневные пробежки. Он обнимал и целовал какую-то яркую брюнетку. Неизвестно, что в этой сцене сразило её больше: сам факт этой брюнетки или то, что они лобызались вот так вот прилюдно – с Надей он никогда не допускал такого, ведь конспирация у них была на первом месте. Сражённая, Надя стояла какое-то время и глядела на эту парочку во все глаза. Потом, спохватившись, что её могут

заметить, Надя резко развернулась и зашагала прочь. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, срочно требовался какой-то живительный глоток. Она схватилась за горло, боясь, что задохнётся. И вдруг вспомнилась Ольга Максимовна и её слова, показавшиеся Наде когда-то оскорблением. Если мужчине не хватает одной женщины, то не факт, что он остановится на двух. Как-то так – припомнила Надя и почувствовала, что ей стало легче дышать. И она, стараясь ни о чём не думать, ранула вперёд, навстречу своему счастью. Ей очень хотелось в это верить.

Инна Клименко